

5. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): Учеб. для вузов / В.О. Калятин; со вступ. ст. В.А. Дозорцева. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 480 с.

6. Андреев, Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – М.: Норма. Инфра-М, 2010. – 462 с.

7. Кузбагаров, А.Н. Защита интеллектуальных прав с применением альтернативных способов защиты / А.Н. Кузбагаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 72-77.

8. Зыков, Е.В. Гражданско-правовая защита права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Зыков; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – М., 2008. – 235 с.

ПОВОРОТЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Разуваев Н.В.,

*заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент*

Важной тенденцией, характеризующей современное состояние права и государства, является цифровая трансформация, которая в той или иной мере затронула все феномены правовой реальности. Как известно, наступление цифровой эпохи в социальной коммуникации было предсказано еще в конце минувшего столетия М. Кастельсом и другими теоретиками, полагавшими, что в информационном обществе, благодаря широкому внедрению новых технологий, происходит не только тотальная деконструкция вертикально-иерархических социальных структур, интегрировавших в себя все виды человеческой деятельности, но и перестройка этих структур на принципиально иной основе.

Результатом отмеченных изменений становится появление горизонтально-сетевых форм организации производства, обмена, движения капитала, а также появление сетевых сообществ, самым глобальным из которых является сообщество «Мировой паутины», включающее в себя миллионы пользователей сети Интернет, находящихся в различных странах мира и на разных континентах [1, с. 275]. Трансформациям в цифровую эпоху подвергается и само географическое пространство, исторически образывавшее своего рода «естественный фундамент», на котором надстраивались все социокультурные пространства, включая пространство правовое. Как отмечал М. Кастельс, под влиянием цифровых технологий оно превращается из «географии мест» (как представляли себе мировую ойкумену ученые прошлого, начиная с древних греков) в «географию потоков», под которыми понимаются «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов

и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [2, с. 326].

Неизбежным следствием подобных изменений, имеющих всемирно-исторический масштаб, стала виртуализация реальности, чреватая размыванием всех представлений, включая самоочевидные данности (своеобразные культурно-исторические априори), на которых традиционно основывалась картина мира в ее онтологическом, эпистемологическом и праксеологическом измерениях [3, с. 187]. Не углубляясь в детали, отметим, что наиболее значительные изменения, которые вполне уместно назвать *культурными поворотами* [4, с. 199], в цифровом обществе претерпели не мышление и даже не деятельность, направленная на достижение объективированных материальных и духовных результатов, но коммуникация, репрезентирующая саму реальность, связывая воедино ее форму и содержание релевантным для той или иной исторической эпохи способом. Сказанное прежде всего касается правовой коммуникации, под которой мы понимаем взаимный обмен информацией и аксиологическими смыслами, осуществляемый членами общества (субъектами правового порядка), а также совокупность знаково-символических средств передачи такой информации [5, с. 182].

Коммуникация является не просто взаимодействием, но способом бытия правовых субъектов, обеспечивающим их самосознание и взаимное признание, без чего, в свою очередь, невозможна их интеграция в коллективы, представляющие собой органические целостности, внутри которых каждое человеческое существо преодолевает собственные телесные, интеллектуальные и эмоциональные пределы, объединяясь с себе подобными в разнообразных актах общения, направленных на достижение общих целей. Далеко выходя за рамки заявленной темы, рискнем предположить, что в глобальной всемирно-исторической перспективе главными из этих целей выступают не только внутреннее единство человечества в его духовном многообразии [6, с. 28], но и единение всех людей с Богом как предельной трансцендентностью бытия, в том числе бытия правового.

При этом специфика коммуникации (а также ее результатов) во многом имеет исторически относительный характер, определяясь спецификой знаково-символических средств, обеспечивающих взаимообмен аксиологическими и иными смыслами, которые образуют сущностное измерение правовой реальности. Цифра, глубоко преобразуя всю систему средств правовой коммуникации не только на инструментальном, но и на субстанциональном уровнях, обнаруживает ранее скрытые свойства правовой реальности, придавая импульс к ее дальнейшей эволюции и способствуя переходу к новому (*постклассическому*) этапу. Важными проявлениями данного процесса и выступают культурные повороты, характеризующие правовые порядки цифровой эпохи.

Представляется, что среди них наиболее известным является *диалогический поворот*, наметившийся еще в середине минувшего столетия и всесторонне рассмотренный в работах Э. Кассирера, М. М. Бахтина, Л. Витгенштейна, М. Бубера, Ю. Хабермаса и др. Применительно к праву, диалогический поворот означает перенос центра тяжести, если можно так выразиться «с действия на взаимодействие». Право перестает рассматриваться исключительно в виде совокупности средств государственно-властного воздействия на поведение членов общества. Вместо этого внимание юристов сосредоточивается на свойствах права как диалога, направленного на достижение взаимопонимания и взаимного признания субъектов на основе разделяемых ими общих ценностей, за пределами которых невозможно правовое общение, как таковое.

Смысл правовой коммуникации состоит не только в регулировании поведения индивидов, но и в конструировании правовой реальности, непрерывно создаваемой субъектами в своей практической деятельности. Тем самым правовая реальность предстает перед нами не в виде объективной данности, оказывающей то или иное внешнее воздействие на поведение, но как результат конструирования в ходе диалога, осуществляемого различными знаково-символическими средствами, среди которых центральное место занимают нормы права, субъективные права и обязанности, имеющие языковую природу и определяемые культурно-историческим контекстом. В признании указанного обстоятельства состоит суть *конструктивистского поворота*, в последние десятилетия вышедшего на передний план в качестве предмета изучения постклассической теории и философии права.

С конструктивистским поворотом тесно связан и *антропологический поворот*, способствовавший осознанию значения социальных практик, лежащих в основе правовой коммуникации и проливший свет на такое важное свойство права, как его *человекоразмерность*. Будучи результатом творческой активности людей, феномены правовой реальности конструируются ими по своему образу и подобию, что выступает необходимым условием правовой коммуникации, как таковой. Субъекты права существуют в мире человеческих вещей, как его необходимый составной момент, и все юридические институты несут на себе отпечаток человеческой природы даже в тех случаях, когда сила традиции скрывает эту природу, заставляя субъектов воспринимать юридические предписания в качестве обременительных ограничений, проявлений чуждой, а подчас и враждебной воли, навязывающей индивидам невыгодные для них способы поведения. Цель антропологического поворота состоит в том, чтобы, деконструировав внешнюю форму этих предписаний, обнаружить их человеческое измерение, на основе которой правовые институты могут быть перевоссозданы заново.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рассмотренные повороты правовой коммуникации не являются чем-то принципиально новым, впервые возникшим в условиях цифровой трансформации правовой

реальности. Напротив, праву как культурному феномену, имеющему, подобно иным аспектам духовной культуры, знаково-символическое измерение, на всех стадиях эволюции были присущи признаки диалогичности, сконструированности и человекоразмерности. Но лишь в наши дни, благодаря активному влиянию цифровых средств на все виды культурной коммуникации, включая коммуникацию правовую, перечисленные признаки проявились со всей наглядностью.

В силу этого, в свою очередь, обнаружилась глубокая внутренняя уязвимость априорных данностей, ранее принимаемых по умолчанию учеными, правоприменителями и иными участниками правовой коммуникации (в том числе предметности права, его объективного характера, государственно-властной природы и т.п.). Преодоление этой уязвимости, относящееся к числу основных задач постклассической теории и философии права, означает грандиозный шаг на пути не только юридического познания, но и развития самой правовой коммуникации, в чем, по моему мнению, и состоит сугубо практический смысл происходящих на наших глазах изменений.

Список использованных источников:

1. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
2. Кастельс, М. Информационное общество: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: Изд-во «А-Сад», 1994. – 407 с.
4. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн – Медик. – Москва: НЛЮ, 2017. – 506 с.
5. Поляков, А.В. Коммуникативная философия права. Введение в философскую антропологию права и морали / А.В. Поляков. – Москва: Норма, 2026. – 356 с.
6. Разуваев, Н.В. Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира / Н.В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 3 (25). – С. 22-40.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА (ГРАЖДАНИНА) В ЧАСТНОМ ПРАВЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Серова О.А.,

*первый проректор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Псковского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

Цифровая экономика и переход к новому технологическому укладу определяют трансформационные изменения в правовой системе и доктринальных подходах к традиционным правовым институтам. Необходимость создания «новых норм» обсуждалась во все исторические периоды.